

Проблемы и направления развития уголовно-правового контроля за преступлениями, связанными с домашним насилием

А.В. БЕЛЯКОВА

В статье исследуются теоретические и прикладные аспекты уголовно-правового контроля за преступлениями, связанными с домашним насилием, в Республике Беларусь. Проведён анализ действующего законодательства (*de lege lata*) и выявлены его пробелы, связанные с отсутствием нормативного определения понятия «уголовно-правовой контроль», ограниченностью круга жертв домашнего насилия и недостаточной систематизацией составов преступлений. На основе анализа белорусской и зарубежной практики предложены направления развития уголовно-правового регулирования (*de lege ferenda*), включая введение понятия «уголовное дело превентивной направленности», криминализацию преследования (сталкинга), контролирующего поведения и сексуализированной мести, а также уточнение процессуальных категорий зависимости потерпевших от обвиняемых. Обоснована необходимость интеграции принципов восстановительного правосудия и внедрения обязательных коррекционных программ для правонарушителей. Реализация предложенных мер позволит сформировать эффективную, гуманистическую и системную модель уголовно-правового контроля, направленную на защиту прав личности и укрепление института семьи в Республике Беларусь.

Ключевые слова: уголовно-правовой контроль, семейно-бытовые преступления, домашнее насилие, превентивные меры, уголовное законодательство, восстановительное правосудие, защита жертв, Республика Беларусь, *de lege lata*, *de lege ferenda*.

The article examines the theoretical and practical aspects of criminal-legal control over crimes in the sphere of family and domestic relations in the Republic of Belarus. An analysis of the current legislation (*de lege lata*) has been carried out, revealing the gaps related to the absence of a legal definition of «criminal-legal control», the limited scope of victims of domestic violence, and the insufficient systematization of criminal offenses. Based on the analysis of Belarusian and foreign legal practice, the paper proposes directions for the development of criminal-law regulation (*de lege ferenda*), including the introduction of the concept of a «preventive-oriented criminal case», the criminalization of stalking, controlling or coercive behavior, and «revenge porn», as well as the clarification of procedural categories describing victims' dependence on offenders. The author substantiates the need to integrate the principles of restorative justice and to introduce mandatory correctional programs for offenders. The implementation of the proposed measures will contribute to the creation of an effective, humanistic, and systemic model of criminal-legal control aimed at protecting individual rights and strengthening the institution of the family in the Republic of Belarus.

Keywords: criminal-legal control, family and domestic crimes, domestic violence, preventive measures, criminal legislation, restorative justice, protection of victims, Republic of Belarus, *de lege lata*, *de lege ferenda*.

Введение. Современная уголовно-правовая политика Республики Беларусь исходит из конституционного принципа приоритета защиты личности, семьи и общества от противоправных посягательств. В соответствии со ст. 32 Конституции Республики Беларусь государство охраняет семью, материнство, отцовство и детство как основу общества [1]. Часть четвертая ст. 3 Кодекса о браке и семье (далее – КоБС) закрепляет аналогичный приоритет в сфере социальной политики, указывая, что охрана брака и семьи является одной из главных задач государства [2]. Следовательно, уголовно-правовые механизмы в сфере домашнего насилия не изолированы, а выступают элементом реализации социально-правовой функции государства.

Вместе с тем, фактическое состояние дел обнаруживает устойчивую проблему: несмотря на развитие нормативной базы и внедрение профилактических мер, уровень преступлений, связанных с домашним насилием, остаётся высоким. По данным Фонда ООН в области народонаселения и Института социологии НАН Беларуси, около 49 % женщин сталкивались с психологическим насилием, а 28 % – с физическим. Это на 7,5% больше, чем за пять месяцев ушедшего года. Высокая латентность домашних посягательств искажает реальную картину и затрудняет оценку эффективности действующих средств контроля [3, с. 10]. Так, в январе–мае 2024 г. в Гомельской области зарегистрированы 229 преступлений в сфере домашнего насилия [4]. При этом уже 10 детей стали жертвами домашнего насилия – в их отношении совершены преступления против половой неприкосновенности [5], более 23 тысяч несовершеннолетних белорусов из 11 тысяч семей находятся в социально опасном положении по причине домашнего насилия [6].

Теоретический пласт показывает: в доктрине уголовно-правовой контроль освещается фрагментарно, чаще через призму отдельных категорий преступности (несовершеннолетние, экономические преступления и т. п.). Присутствует смещение к пониманию контроля как реакции на уже совершённое деяние, тогда как практика требует восприятия его как многоуровневой системы, включающей превентивные, реактивные и восстановительные механизмы.

Дополнительную актуальность теме придаёт повестка реформирования уголовного законодательства и повышение внимания к домашнему насилию. Хотя легальная дефиниция «домашнего насилия» содержится в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 04.01.2014 № 122-3 «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее – Закон № 122-3), она не охватывает финансовое насилие и устойчивое контролирующее поведение [7]. Кроме того, механизмы учёта правонарушений, связанных с домашним насилием, в рамках единой государственной статистики пока недостаточно дифференцированы. В совокупности это делает контроль фрагментарным и преимущественно реактивным.

Цель статьи – комплексный анализ механизма уголовно-правового контроля преступлений, связанных с домашним насилием, в Республике Беларусь, выявление проблем и разработка предложений по совершенствованию норм и практики. Задачи включают: определение понятия и элементов контроля; анализ действующих норм и процедур реагирования; оценку превенции; формулирование предложений *de lege ferenda* с учётом сравнительно-правового материала.

Научная новизна – в авторском осмыслении уголовно-правового контроля как интегративной конструкции, сочетающей уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминологические инструменты. Практическая значимость – возможность прикладного использования предложений для повышения эффективности деятельности ОВД при предупреждении и пресечении преступлений, связанных с домашним насилием.

Основная часть. Категория «уголовно-правовой контроль» до настоящего времени не получила нормативного закрепления и употребляется в доктрине описательно. Это требует её концептуального уточнения и отграничения от смежных категорий – социального, административного и ведомственного контроля.

В уголовно-правовой доктрине социальный контроль понимается как система мер, ориентированных на правомерное поведение и стабильность общественных отношений; он опирается на совокупность моральных, правовых и иных регуляторов. Уголовно-правовой контроль – часть правового контроля, основанная на нормах уголовного закона и реализуемая уполномоченными органами (следственными, прокурорскими, судебными, органами внутренних дел). Его целевое назначение – предупреждение, пресечение и правовая оценка общественно опасных деяний с обеспечением справедливого наказания при соблюдении законности и гуманизма.

В научной литературе подчёркивается двойственная природа контроля: репрессивная (карательная) и регулятивно-превентивная. В.А. Андрухов трактует уголовно-правовой контроль как структурный элемент противодействия преступности, эффективность которого зависит от соотношения потребности в уголовно-правовом вмешательстве и состояния социального контроля [8, с. 7]. А.М. Бжассо подчёркивает карательно-принудительный характер как отличие от «конвенционального» контроля [9, с. 4]. В работах по экономической преступности (Л.Р. Клебанов, А.К. Бекряшев) акцентируется необходимость баланса интересов: эффективности пресечения и гарантий прав личности – эта оптика релевантна в семейно-бытовой сфере [10], [11].

С учётом белорусской правовой традиции целесообразно понимать *уголовно-правовой контроль как деятельность государственных органов, осуществляемую на основе норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, направленную на предупреждение, выявление, пресечение и правовую оценку преступлений, а также на обеспечение восстановления нарушенных прав потерпевших и социальной справедливости.*

Такое определение соединяет нормативно-организационный и ценностный аспекты.

Специфика семейно-бытовой сферы проявляется в: (1) особом объекте охраны – межличностных отношениях внутри семьи; (2) высокой латентности и зависимости потерпевшего; (3) необходимости сочетания карательных и восстановительных механизмов (наказание + профилактика повторных актов и ресоциализация).

Структурно механизм контроля включает четыре взаимосвязанных элемента:

1) превентивный – меры предупреждения и снижения криминогенных факторов (профилактические беседы, официальные предупреждения, профилактический учёт, защитные предписания; ст. 17 и ст. 31 Закона № 122-3);

2) реактивный – регистрация сообщений, проверка и расследование, защита потерпевших (ст. 174 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК));

3) нормотворческий – настройка политики, коррекция законодательства и ведомственных инструкций;

4) реституционный – восстановительные процедуры и примирение (ст. 89 УК, ч. 4 ст. 427 УПК) [7], [12].

Системный баланс этих элементов – условие доверия к правосудию и устойчивого снижения рецидива.

Система контроля строится на совокупности норм уголовного, уголовно-процессуального, административного и семейного законодательства, а также ведомственных актов МВД. Базовые источники – Уголовный кодекс (далее – УК), УПК и Закон № 122-3 [7], [12], [13].

Закон № 122-3 определяет формы и порядок индивидуальной профилактики. В ст. 31 закреплено защитное предписание – временный запрет на совершение определённых действий для защиты жизни и здоровья пострадавшего. Уже на досудебном этапе это проявление превенции. Легальное определение домашнего насилия содержится в ст. 1: умышленные противоправные либо аморальные действия физического, психологического или сексуального характера со стороны близких родственников, бывших супругов, лиц с общим ребёнком или граждан, совместно проживавших и ведущих хозяйство, причиняющие физические и/или психические страдания. В то же время дефиниция не охватывает финансовое насилие и устойчивое контролирующее поведение, что ограничивает возможности квалификации и реагирования.

Закон № 200-3 («Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних») закрепляет социально-психологическую реабилитацию детей из социально опасной среды (ст. 2, 8, 13), создавая правовую основу для вмешательства государства при насилии над детьми [7].

Инструкции МВД (в частности, Инструкция № 1, утвержденная Указом президента Республики Беларусь от 03.01.2024) регулируют порядок учёта, анализа и обмена информацией о фактах домашнего насилия между подразделениями МВД, Минздрава, Минобразования и Минтруда. Алгоритм предусматривает фиксацию факта в регистрационном журнале (электронном или бумажном) и передачу данных в реестр в течение одного рабочего дня. Это усиливает системность обработки сведений, но на практике остаются риски дублирования и нехватка единого защищённого цифрового контура [14].

УПК (ст. 174) возлагает на правоохранительные органы обязанность проверки каждого сообщения о преступлении. В делах о домашнем насилии специфика доказывания осложняется зависимостью потерпевшего и фактором страха, что требует щадящих процедур (минимизация очных ставок, участие психолога и др.) [12]. Статья 31-2 Закона № 122-3 закрепляет принцип свободного и информированного согласия на передачу сведений о факте насилия – важная гарантия автономии воли потерпевшего [7].

Юридическая неопределенность сохраняется вокруг термина «иная зависимость от обвиняемого» (ч. 5 ст. 26 УПК). Отсутствие перечня признаков (экономическая, психологическая, возрастная, медицинская уязвимость) ведёт к неоднородности практики и повышает риски вторичной виктимизации [12].

На досудебной стадии ключевым инструментом защиты является защитное предписание (ст. 31 Закона № 122-3): немедленно вступает в силу, действует до 15 дней с возможностью продления, продление до 30 суток – по согласованию с прокурором; может включать запрет контактов, посещения определённых мест, выяснения местонахождения, а в необходимых случаях – временное покидание общего жилья. Контроль исполнения возложен на органы внутренних дел [7].

Судебная стадия регулируется общими положениями Особенной части УК: ст. 149 (убийство), ст. 153–154 (умышленное причинение телесных повреждений различной тяжести), ст. 186 (угроза убийством) [13]. Специальной статьи «домашнее насилие» в УК нет, что приводит к разрозненности квалификации и осложняет целенаправленный статистический учёт и криминологический анализ. Не охвачены уголовно-правовой нормой такие формы поведения, как stalking, систематическое контролирующее / принудительное поведение и сексуализированная месть (распространение интимных изображений без согласия пострадавшего).

Нормы о примирении (ст. 89 УК; ч. 4 ст. 427 УПК) открывают дверь восстановительным практикам при добровольности и безопасности для потерпевшего. Однако детальная процессуальная архитектура восстановительных процедур пока не институционализована, что сдерживает их применение.

Наконец, надежный контроль невозможен без точной статистики. Закон Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № 94-З «О единой государственной системе учёта правонарушений» (далее – Закон № 94-З) возлагает на МВД обязанности по формированию и обобщению сведений, но в текущей редакции отсутствует признак, позволяющий выделять семейно-бытовой контекст деяния [15]. Аналогичная проблема есть в Постановлении Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 7 августа 2025 г. № 254 о формировании статистики правонарушений [16]. В результате аналитика по семейно-бытовой тематике во многом опирается на ручную выборку из ЕК и ЕГБДДП.

Ключевые проблемные узлы действующего механизма:

1. *Отсутствие легального определения «уголовно-правового контроля» и достаточной регламентации его содержания.*

2. *Нехватка финансового насилия и устойчивого контролирующего поведения действующими дефинициями.*

3. *Нечёткость понятия «иная зависимость от обвиняемого» (ч. 5 ст. 26 УПК) и, как следствие, различия в практике.*

4. *Отсутствие в УК самостоятельного состава «домашнее насилие» и профильного статистического признака.*

5. *Недостаточная цифровизация учёта и отсутствие единого межведомственного реестра защитных предписаний/сообщений.*

6. *Недостаточная институциональная координация между ОВД, социальной защитой и здравоохранением.*

7. *Фрагментарность восстановительных процедур при отсутствии детальной процессуальной регламентации.*

Эти дефициты системно взаимосвязаны: нормативные разрывы подрывают превенцию; статистические «слепые зоны» мешают выстраивать адресные меры; процессуальные лакуны ослабляют защиту и доказательственную устойчивость.

Предложения *de lege ferenda*:

Уточнение понятийного аппарата. Закрепить в законе легальное определение уголовно-правового контроля как деятельности государственных органов на основе норм уголовного и уголовно-процессуального права, направленной на предупреждение, выявление, пресечение и правовую оценку преступлений, а также на защиту прав потерпевших и восстановление социальной справедливости. Это позволит нормативно очертить предмет и границы контроля, определить компетенции субъектов.

Систематизация составов и расширение круга охраняемых отношений. Создать в Особенной части УК раздел «Преступления, связанные с домашним насилием», агрегирующий релевантные составы (насильственные, сексуальные и иные посягательства в семье) с учётом специфики отношений между участниками [13].

Расширить круг защищаемых лиц за счёт фактических брачных отношений и совместного проживания без регистрации, внося изменения в ст. 59 КоБС (с согласованной адаптацией смежных отраслей) [2]. Это позволит включить в правовую защиту сожителей и интимных партнёров.

Новые составы преступлений:

– Сталкинг – умышленные систематические действия, в т. ч. с использованием цифровых технологий, вызывающие у жертвы обоснованный страх за безопасность либо значительный психический вред; ориентир – § 2261A U.S. Code [17] и s. 76 Serious Crime Act 2015 (UK).

– Контролирующее / принудительное поведение – длительная система подавления автономии: изоляция, навязчивый контроль контактов / перемещений, ограничение доступа к ресурсам, запугивание.

– Сексуализированная месть – распространение интимных материалов без явного и недвусмысленного согласия пострадавшего, с квалифицирующими признаками (массовость, мотив мести/шантаж, тяжкие последствия).

Конкретизация «иной зависимости» (ч. 5 ст. 26 УПК). Нормативно раскрыть признаки зависимости:

– экономическая (отсутствие альтернативного источника средств, контроль доступа к ресурсам);

- психологическая (устойчивые эмоциональные связи, страх стигматизации / эскалации);
- индивидуальная уязвимость (возраст 60+, инвалидность, хронические заболевания, несовершеннолетие) [12].

Возможность признания иных оснований – прокурорская дискреция с мотивировкой.

«Уголовные дела превентивной направленности». Закрепить в ст. 6 УПК категорию уголовного дела превентивной направленности как дела, возбуждаемого для предотвращения тяжких и особо тяжких последствий, связанных с домашним насилием (без снижения стандартов доказывания и презумпции невиновности). Для статистики прокуратуры и ОВД отнести к этой категории, например, дела по ст. 149, 153, 154, 186 УК.

Согласованно дополнить ст. 23 Закона № 122-3 пунктом об использовании возбуждения таких дел как меры индивидуальной профилактики (в связке с беседой, предупреждением, коррекционными программами и защитным предписанием).

Учёт и аналитика. Модернизировать систему учёта (Закон № 94-3; Постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 7 августа 2025 г. № 254):

- дополнить ст. 9 Закона № 94-3 признаком «совершено членом семьи в отношении другого члена семьи» для административных и уголовных деяний;
- ввести в ведомственную инструкцию кодовую категорию «правонарушения, связанные с домашним насилием»;
- создать единый защищённый цифровой реестр защитных предписаний и сообщений, интегрированный с информационными системами МВД, Минздрава и Минтруда, с регламентом межведомственного доступа.

Восстановительные практики и коррекционные программы. Развить потенциал ст. 89 УК и ч. 4 ст. 427 УПК посредством:

- закрепления обязательности коррекционных программ для лиц, привлекавшихся по ст. 10.1 КоАП, ст. 153, 154, 186 УК (при повторяемости / нарушении предписания);
- утверждения типовой Инструкции о порядке организации программ (модули управления гневом, коммуникация, психологическая помощь);
- дополнения гл. 6 Инструкции МВД № 1 (2024) п. 36.10: вопросы для беседы с потерпевшим, сбор данных для оценки целесообразности проверки по ст. 174 УПК, обязательное разъяснение права на иск о компенсации морального вреда;
- внедрения постмедиативного мониторинга исполнения соглашений о примирении при гарантии безопасности.

Международно-правовые ориентиры. При разработке национальных норм использовать стандарты Стамбульской конвенции (Совета Европы, 2011) как ориентиры «мягкого права» (Беларусь не является стороной), а также сравнительные модели (§ 2261A U.S. Code; s. 76 Serious Crime Act 2015).

Ключевые принципы: комплексность мер защиты, признание насилия нарушением прав человека, межведомственный обмен данными, превентивная направленность и поддержка жертв.

Заключение. Современная модель уголовно-правового контроля в сфере семейно-бытовых отношений в Республике Беларусь требует системной перенастройки и переосмысления своих приоритетов. В настоящее время акцент правоприменительной практики по-прежнему сосредоточен на реагировании на уже совершённые преступления, тогда как ключевая задача – формирование устойчивой превентивно-восстановительной модели, ориентированной на предупреждение насилия, защиту потерпевших и ресоциализацию правонарушителей. Эффективность уголовно-правового контроля во многом зависит от согласованности действий всех участников – органов дознания, следствия, прокуратуры, суда, органов внутренних дел и социальной защиты, а также от наличия единых цифровых механизмов взаимодействия и обмена информацией.

Нормативное закрепление понятия «уголовно-правовой контроль» и систематизация составов преступлений, связанных с домашним насилием, позволят устранить разрозненность правового регулирования и укрепить целостность государственной политики в области защиты семьи. Важно не только криминализировать новые формы насилия – stalking, контролирующее и принудительное поведение, сексуализированную месть – но и уточнить процессуальные гарантии защиты потерпевших, включая конкретизацию признаков зависимости от обвиняемого. Создание межведомственного цифрового контура учёта, введение обяза-

тельных коррекционных программ и развитие восстановительных практик обеспечат практическую реализацию принципов гуманизма и социальной справедливости, заложенных в Конституции Республики Беларусь. Таким образом, переход от реактивного реагирования к системной профилактике и восстановлению нарушенных отношений станет основой устойчивого снижения уровня насилия в быту, укрепления доверия к правосудию и повышения эффективности уголовно-правовой политики государства.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах от 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 20.01.2026).
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Республики 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 декабря 2025 г. № 110-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 20.01.2026).
3. Результаты исследования распространенности насилия в отношении женщин в Республике Беларусь / Фонд ООН в области народонаселения в Республике Беларусь, ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси». – Мн. : Белсэнс, 2019. – 36 с.
4. Почти 230 преступлений в сфере домашнего насилия зафиксированы в январе–мае в Гомельской области. – URL : <https://belta.by/regions/view/pochti-230-prestuplenij-v-sfere-domashnego-nasilija-zafiksirovanyu-v-janvare-mae-v-gomelskoj-oblasti-639214-2024/> (дата обращения : 11.01.2026).
5. В Гомельской области в этом году 10 детей стали жертвами домашнего насилия. – URL : <https://belta.by/regions/view/v-gomelskoj-oblasti-v-etom-godu-10-detej-stali-zhertvami-domashnego-nasilija-639217-2024/> (дата обращения : 11.01.2026).
6. Более 23 тыс. детей в Беларуси находятся в социально опасном положении. – URL : <https://minsknews.by/bolee-23-tys-detej-v-belarusi-nahodyatsya-v-soczialno-opasnom-polozenii/> (дата обращения : 11.01.2026).
7. Об основах деятельности по профилактике правонарушений : Закон Респ. Беларусь от 04.01.2014 г. № 122-З : в ред. от 30 декабря 2025 г. № 126-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 20.01.2026).
8. Андрухов, В. А. Структурные уровни контроля воздействия молодежной преступности в современной России и регионе : автореф. дис. ... канд. соц. наук : 22.00.04 / Андрухов Вадим Алексеевич. – Краснодар, 2009. – 26 с.
9. Бжассо, А. М. Социальный контроль преступности несовершеннолетних в современной России : автореф. дис. ... канд. соц. наук : 22.00.04 / Бжассо Адам Меджидович ; Южно-Российский гос. техн. ун-т. – Красноярск, 2001. – 36 с.
10. Клебанов, Л. Р. Уголовно-правовой контроль за сохранностью памятников истории и культуры / Л. Р. Клебанов // Законность. – 2011. – № 7 (921). – С. 23–28.
11. Бекряшев, А. К. Уголовно-правовой контроль над экономической преступностью в России / А. К. Бекряшев. – URL : http://old.nasledie.ru/fin/6_8/kniga1/article.php?art=71 (дата обращения : 11.01.2026).
12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 20.01.2026).
13. Уголовный Кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Республики Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 20.01.2026).
14. О Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 3 января 2024 г. № 1 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 20.01.2026).
15. О единой государственной системе учёта правонарушений : Закон Респ. Беларусь от 9 янв. 2006 г. № 94-З : в ред. от 6 янв. 2021 г. № 87-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 20.01.2026).
16. Об изменении постановления Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 18 апреля 2019 г. № 104 : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 7 августа 2025 г. № 254 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 20.01.2026).
17. U.S. Code § 2261A – Stalking. – URL : <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/2261A>. – (date of access : 11.01.2026).